

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 113–121. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 3, pp. 113–121. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 811.111'37

EDN LMZJZV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-113-121>

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ “-END” В АНГЛОЯЗЫЧНОМ «УСАДЕБНОМ» ТЕЗАУРУСЕ: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИЯ (англо-русский контекст)

Велигорский Георгий Александрович, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН, Москва, Россия, screamer90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

Аннотация. Статья посвящена анализу истории топонимического элемента «-end», фигурирующего в названиях многих усадеб, как реальных (например, ферма Дич Энд (Dichende) в Нортумберленде, деревня Берн-Энд (Burne End) в Букингемшире и др.), так и литературных (например, особняк Фримэнз-Энд (Тупик Вольного Человека) из романа Дж. Элиот «Мидлмарч» (1871–1872), Говардз-Энд из одноименного романа Э.М. Форстера (1910), Моул-Энд (Кротовый Тупик) из повести К. Грэма «Ветер в ивах» (1908), Бэг-Энд (Торба-на-Круче) из сказки Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» (1937) и проч.). Внимание в исследовании уделено неочевидным, «подспудным», в том числе метафизическим, коннотациям этого понятия (дом «на околице», «на отшибе», «тупик», «цель», «назначение» и проч.). Особо в статье рассмотрен генезис элемента «-end», уходящий глубоко в историю английской усадьбы (в частности, он упоминается еще в «Книге Судного дня», первой поземельной переписи Англии, предпринятой в XI в. Вильгельмом Завоевателем).

Ключевые слова: усадьба, усадебный тезаурус, Дж. Элиот, К. Грэм, Э.М. Форстер, Дж.Р.Р. Толкин.

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН на средства гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Для цитирования: Велигорский Г.А. Топонимический элемент “-end” в англоязычном «усадебном» тезаурусе: семантика и функция (англо-русский контекст) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 113–121. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-113-121>

Research Article

THE TOPONYMIC ELEMENT “-END” IN THE ENGLISH-LANGUAGE “ESTATE” THESAURUS: SEMANTICS AND FUNCTION (English-Russian context)

Georgy A. Veligorsky, Candidate of Philological Sciences, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, screamer90@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4316-4630>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the history of the toponymic element “-end”, appearing in the names of many estates, both real (for example, the place Dichende in Northumberland, the village of Bourne End in Buckinghamshire, etc.), and literary ones (for example, Freeman’s End from the novel “Middlemarch, A Study of Provincial Life” by George Eliot (1871–1872), Howards End from the novel of the same name by Edward Morgan Forster (1910), Mole End from “The Wind in the Willows” (1908) by Kenneth Grahame, Bag End from John Ronald Reuel Tolkien’s fantasy novel “The Hobbit, or There and Back Again” (1937), etc.). Attention in the study is paid to non-obvious, “latent”, including metaphysical, connotations of this concept (house “on the outskirts”, “dead end”, “goal”, “appointment”, etc.). The article specifically considers the genesis of the “-end” element, which goes deep into the history of the English estate (in particular, it is mentioned in the “Domesday Book”, the first land census of England, undertaken in the 11th century by William the Conqueror).

Keywords: estate, estate thesaurus, George Eliot, Kenneth Grahame, Edward Morgan Forster, John Ronald Reuel Tolkien.

Acknowledgements. The research was carried out in IWL RAS at the expense <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Veligorsky G.A. The toponymic element “-end” in the English-language “estate” thesaurus: semantics and function (English-Russian context). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 3, pp. 113–121 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-3-113-121>

История британского усадебного тезауруса насчитывает без малого полторы тысячи лет. Источники сведений об английских топонимах, на которых она зиждется, разнообразны и нередко причудливы: таковыми становились сочинения британских монахов, англосаксонские хроники, старинные хартии, переписи населения, штрафы и взыскания, перечни каторжан и даже счета, не оплаченные постояльцем в трактире. При всем этом наука, изучающая английскую топонимику, на данный момент весьма молода. Единичные исследования в данной сфере проводились еще в XIX в. (ср., в частности, деятельность Ж. Лота, о котором речь еще впереди). Однако лишь около 100 лет назад историки и лингвисты стали впервые выстраивать топонимы в подобие некой системы: так названия замков и имений, аббатств и поместий, селений и деревень, усеявших Англию, начали складываться в живописный и сложный узор. Но порой в старых сводах и хартиях, в «хронологической пыли», встречались необычные именованья. Среди привычных для английского глаза терминов – “estate”, “manor”, “farm”, “grange”, “abbey” – там и тут попадалось короткое слово “end”, как будто выбивавшееся из общего ряда. Именно этому небольшому словечку будет суждено сыграть изрядную роль в развитии усадебной культуры Британии.

Одна из сложностей трактовки этого топонимического элемента заключается в том, что он объединяет, на первый взгляд, имена собственные самого разного толка. Ведь что, казалось бы, общего у помпезного особняка Одли-Энд (Audley End) в графстве Эссекс, одного из величайших яковинских поместий, – и тюдоровской усадьбы Кум-Энд в Глостершире (Combe End), секуляризованного монастыря, а ныне – небольшой семейной гостиницы? Или, скажем, у живописного домика Тёрн-Энд (Turn End) в графстве Бакин-гемшир, подобия «итальянской виллы» с белеными стенами, – и жилого комплекса Уорлдс-Энд (World's End – букв.: «Край мира»), угрюмых цитаделей на северо-западе Лондона, на месте викторианских трущоб? На протяжении веков элемент “end” оказывался инкорпорирован в названия роскошных усадеб и неказистых особняков, пастушьих деревень и рыбацких поселков, адвокатских контор и «диковинок» столичной архитектуры. Так как же увязать все их между собой? И какое отношение имеют они к усадебным текстам, к зарождению образа «волшебной усадьбы», «усадьбы-грезы» – и сакрального Дома, к которому «взыскующе» и томительно стремится герой?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся, как и всегда, к дихотомии и к генезису понятия.

Начать разговор следует с того, что английские усадебные топонимы можно разделить на несколько групп:

1) по дефинитивному принципу, когда в название входит термин, обозначающий тип усадьбы; в эту группу могут быть включены такие топонимические элементы, как estate («имение»), manor («усадьба», «поместье»), farm («ферма»), grange («мыза»), abbey («аббатство»)¹, castle («замок») и проч.;

2) метонимический принцип («целое по части»), когда усадьба именуется по строению или локусу, расположенному на ее территории: house («дом»), hall («зала»), field («поле»), bower («беседка», «стрехи»), lodge («небольшой домик», «сторожка»), park («парк») и т. д.

3) индивидуальные имена; здесь все ограничено лишь фантазией именуемого; при выборе названия может сыграть роль и внешний вид дома (напр., усадьба Бугорок (Mount) в Беркшире, где прошло детство К. Грэмма), и местоположение усадьбы (Abbotsford, по имени близлежащего брода, к которому ходили монахи Мелроузского аббатства), и даже семейная история².

Но “end”, как мы видим, не подходит ни к одной из этих групп; словно соответствуя своему значению, иронично, и само оказывается «на отшибе». Ключом к этой загадке, как и всегда, может стать этимология этого слова.

Согласно Оксфордскому словарю английского языка, самое раннее употребление существительного “end” – в значении «край», «предел» (в том числе – с вариацией «пределы земные») – встречается в иллюминированной Псалтыри Веспасиана (825 г.) в переводе псалма 18: “In alle eorðan uteo de swoe heara and in endas ymbhwyrftes eorðan word heara” [OED, “end”: 1a]; ср. эти строки в синодальном переводе: «По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их». Ту же форму обнаруживаем в еще одном переводе Давидовых псалмов, известном как «Псалтырь короля Альфреда» (ок. 1000 г.): “Ofer ealle eorðan færð heora stemn, fer ealle eorðan endas heora word” [OED, “end”: 1a]. То же слово фигурирует, кстати сказать, и в Библии короля Иакова (псалом 19): “Their line is gone out through the earth, and their words to the end of the world” [OED, “end”: 1a], где “end of the world” получает буквальный коннотацию «края света», столь важную, как мы увидим впоследствии, для литературы об английской усадьбе.

В Псалтыри Веспасиана впервые встречается и иносказательное употребление слова “end” – в контексте бескрайности, бесконечности. В переводе псалма 144 читаем: “Micel dryhten and her ændlic swiðe and micelnisse his nis ende” [OED, “end”: 1b]. В синодальном переводе этой строки («Велик Господь и достоуваден, и величие Его неисследимо») интересующая нас коннотация утрачивается.

Во времена короля Альфреда (конец IX века) “end” впервые употребляется в геодезическом ключу

че, в контексте городского деления. Оно появляется в раннем (и достаточно вольном) английском переводе «Истории против язычников» апологета Павла Орозия (V в.). Анонимный переводчик приводит названия четырех великих городов – Вавилона, Александрии, Мемфиса и Рима, – уподобляя их четырем «оконечностям мира» [OED, “end”: 2a]³. Здесь мы видим ранний образец того уникального деления на четыре «конца», которое впоследствии возникнет в английской столице (Ист-Энд, Уэст-Энд и т. д.).

Вплоть до XIII века существительное “end” встречается лишь в духовных текстах. Первое светское сочинение, где фиксирует его Оксфордский словарь, – стихотворное житие св. Кенельма, легендарного короля Мерсии (ок. 1305). Долгие годы существовавшее лишь в виде рукописи, хранившейся в Харлейской библиотеке, оно было опубликовано в 1858 г. «Английским филологическим обществом» (“English Philological Society”). В строке 150 этого сочинения приведен эпизод из юных дней будущего подвижника; его отчим (а впоследствии – убийца) Аскеберт велит молодому королю отправиться «на опушку леса, дабы позабавить себя [охотой]» (“*forto pleyen him bi þe wodes ende*”) [OED, “end”: 1a]. Здесь мы находим раннее употребление слова “end” в значении «опушка», которое будет затем фигурировать в составе английских топонимов (см. об этом далее в тексте статьи).

Как сообщает Оксфордский словарь, коннотацию «граница владений» (как произв. от *лат.* *finis*) слово “end” получает сравнительно поздно. Составители приводят пример из перевода Библии, выполненного Джоном Уиклифом в период с 1382 по 1392 г., где оно встречается в Книге пророка Исая: “*U haue take awei the endis of replis*» [OED, “end”: 1c]; ср. в синодальном переводе: «И переставляю *пределы* народов». Схожее употребление обнаруживаем в «Золотой легенде» (1265) Иакова Ворагинского, изданной в 1483 г. в переводе Уильяма Кэжстона; в главе LXXII («О вознесении Господнем») этого свода упоминается Иордан, «река, текущая в пределах земли Филистимлян» (“*the Ryuer of the endes of the phylisteis*”) [OED, “end”: 1c].

Отметим и еще один любопытный пример раннего употребления слова “end”. Он встречается в переводе «Евклидовой геометрии», выполненном сэром Генри Биллингси (1570); в главе, посвященной простейшим фигурам, дано такое определение: “*A line is the ende and terme of a superficies*” – «Всякая линия есть конец и предел некой плоскости» [OED, “end”: 1c]. Здесь мы видим синонимию между понятиями “end” и “terme”, второе из которых является производным от имени Терма, греческого бога рубежей и границ. Уже в XIX в. Терму будет посвящено одно из сочинений Кеннета Грэма (о котором речь пойдет далее

в тексте), эссе “*Deus Terminus*” (1892): в нем автор рассуждает о стремлении человека «ограничивать» все на свете, а пределы лесных угодий и усадебных полей соотносятся с «зыбкими королевствами разума» [Grahame: 51].

Как видим, английское понятие “end” терминологически крайне разносторонне. Оно может означать и «конец пути», и «тупик», и «цель», и даже «предназначение» (как высший смысл человеческого бытия, например в философии стоицизма). Им может называться «шишак» (навершие шлема), «острие оружия», «огарок свечи», «осколок», «мишень», «бильярдная луза». Имеет оно и немало фразеологических коннотаций: может означать и «последнюю каплю», и «кончик спасительной соломинки», и «всякую всячину» (в контексте выражения “*odds and ends*”). Все это, взятое вкупе, дает изрядный простор для использования его в контексте усадебной топонимики.

Как уже отмечалось выше, систематическое исследование британских топонимов относится к началу XX века. Важнейшей в этой связи является деятельность Эйлерта Эквелла (1877–1964), шведского ученого, профессора английской литературы в Лундском университете, одного из ведущих специалистов в области англо-саксонской топонимики. Дебютной среди них стала книга «Топонимы Ланкашира» (“*The Place-Names of Lancashire*”, 1922) – первый шаг на пути к будущему словарю. Ее развитием стал труд, охватывавший более широкую область, «Английские топонимы на “-ing”» (“*English Place-Names in ‘-ing’*”, 1923). В 1920-е годы ученый расширяет сферу исследования, пишет ряд монографий об этимологии британских имен собственных, публикует первое в истории исследование, посвященное названиям английских рек. Наконец, в 1936 году выходит в свет *magnum opus* ученого – монументальный «Краткий оксфордский словарь английских топонимов» (“*Concise Oxford Dictionary of English Place-Names*”). Это узловое исследование в сфере английской топонимики, своего рода «ономастикон» британских усадеб, в котором впервые была предпринята попытка не только представить как можно больше имен, но и проследить их возможный генезис. Работу над лексиконом ученый продолжал до конца дней; в 1960 году оно выдерживает четвертое издание. «Краткий словарь...» стал тем крупным трудом, на который и до сего дня ориентируются исследователи английских топонимов (подробнее об этом см.: [Myres 237ff]).

Впрочем, надо отметить, что в своей деятельности Э. Эквелл был вовсе не одинок. 1920-е годы можно по праву назвать расцветом интереса к усадебной топонимике. В это время выходят монографии А. Моэра «Топонимы Нортумберленда и Дарэма» (“*The Place-*

Names of Nothumberland and Durham”, 1920), Дж.Э.Б. Говера «Топонимы Миддлсекса» (“The Place-Names of Middlesex”, 1922), Э. Фэгерстена «Топонимы Дорсета» (“The Place-Names of Dorset”, 1933). Две книги, посвященные графству Кент – «Кентские топонимы» (“Kentish Place-Names”, 1931) и «Топонимы Кента» (“The Place-Names of Kent”, 1934) – публикует шведский кельтолог Й.К. Валленберг. Особо нужно выделить труды Э. Тенгстранда, в которых впервые, наравне с исследованиями Эквелла и Моэра, прослеживается генезис элемента “end” (см., напр.: [Tengstrand: 27]).

Несмотря на фундаментальный характер «Краткого словаря...», на протяжении XX века неоднократно предпринимались попытки углубления в эту тему. Одной из них стала книга Альберта Хью Смита «Английские топонимы» (“English Place-Name”, 1956, 2-е изд., 2008). Упоминаем мы ее не случайно: именно Смит одним из первых, вслед за А. Моэром и Э. Тенгстрандом, осмыслил элемент “end/ende” как составную часть названия англо-саксонской усадьбы [Smith: 11]. Еще одним развитием этих идей стал труд Энтони Дэвида Миллза – «Словарь английских топонимов» (“A Dictionary of English Place Names”, 1991).

В последние годы все большую популярность набирает местная (как мы сказали бы – «краевая») исследовательская деятельность. В наши дни продолжают появляться работы, сфокусированные на топонимах отдельных графств – Ланкашира, Миддлсекса, Дорсета; особый интерес ученые проявляют к Кенту (графству, которое, как мы увидим, напрямую связано с зарождением интересующего нас элемента). Выходят в свет монографии, посвященные усадьбам Шотландии, Ирландии, Уэльса, старинным кельтским названиям. Вызывает интерес и связь топонимики с погребальной культурой; отметим в этом ряду монографию «Имена, миры и могилы» (“Names, Worlds, and Graves”, 1979) под редакцией авторитетного оксфордского историка Питера Хейса Сойера.

В наши дни доказано, что элемент “end”, как и большинство других английских топонимов, впервые зафиксирован в «Книге Судного дня» (“Doomsday Book”) – первой в истории поземельной переписи, проведенной при короле Вильгельме Завоевателе в 1085–1088 годах. Тем не менее, как убедительно доказывает Э. Эквелл, генезис у этого элемента более ранний. В качестве доказательства ученый анализирует название приморской деревушки Лэндс-Энд (Land’s End), расположенной в Западном Корнуолле. Имя этой деревни, основанной еще в саксонские времена, изначально звучало как “Penwæðsteort”, что восходит к корнскому топониму “Penwith”, означающему «край земли» [Eilert: 363]. В такой форме оно встре-

чается еще в конце X века и зафиксировано не только в «Книге Страшного суда», но и в валлийском «Мабиногионе» [Mabinogion: 321]. Возможный генезис этого топонима впервые определил французский филолог Жозеф Лот (1847–1934), специалист по истории кельтских языков. Он трактует это название как “pointe en vue” («точка, видимая издали»), что вполне оправданно: на острове, вдающемся в бурное море, наверняка был корабельный маяк. Новый же вариант названия деревни, Londeseynde (что впоследствии преобразуется в Land’s Ende), возникнет лишь в XIV веке [Eilert, p. 286].

Самое раннее употребление “end” как части составного топонима встречаем в названии города Грейвзэнд (Gravesend, Grauessend), расположенного на территории Кента. Первое его упоминание находим в «Книге Страшного суда» (где, впрочем, приведен иной вариант названия – “Gravesham”), а также в «Книге платежей» (“Feet of fines”, 1195), финансовых отчетах английского Казначейства [Eilert: 203]. “Grave” в этом названии, к слову сказать, не имеет отношения к могиле; оно означает «рощу», «небольшой лес»; соответственно “Gravesend” – это, по сути, «опушка» (вспомним употребление понятия “end” в житии св. Кенхельма); ср. в этой связи именование более современной деревни – Woodend (Wodende), упоминаемой в хрониках с 1316 года [Eilert: 531]. Впрочем, как и в случае с Land’s End, не исключено, что этот топоним имеет более глубокие корни. Известно о существовании одноименного округа в графстве Нортхэмптон, упоминаемого не только в «Книге Страшного суда», но и в более ранней «Златой скрижали» (“Geld Roll”), переписи, проведенной в 1066–1075 годах на юго-востоке Англии [Eilert: 203]. Наконец, еще один пример такого употребления находим в дарственной грамоте короля Эдмунда, отосланной в 944 г. епископу Херефорда; в ней упомянуто некое пространство “æt þæs grafes ende” [Birch: 540]. Впрочем, топоним это или нет – вопрос полемический; ряд исследователей считают, что речь, скорее всего, идет об обычной лесной опушке.

Еще один ранний пример использования элемента “end” – название деревни Дешан (Detchant) в графстве Нортумберленд (первое упоминание – 1166 г.). Впервые трактовку ее названия предложил уже упоминавшийся выше ученый А. Моэр: он прочитывает “detchant” как “ditch end” («край канавы»), ссылаясь на схожее словоупотребление в ранних английских текстах: “to ðære dicende” [Mawer: 62]. «Канавы» здесь, очевидно, обозначает межу, раздел между частными территориями. Упомянут в монографии Моэра и еще один топоним, связанный с подобным делением, – “Hazon”; исследователь предлагает трактовать как “heges-ende”, или “hedge’s end”, то есть «край изгороди» [Mawer: 62]; такое же сочетание (“heges

ende”) встречается и в дарственной короля Эдмунда [Birch: 540].

Упомянем, наконец, и еще один топоним, Bourne Ende (Burnend), в графстве Букингемшир (встречается в хрониках с 1236 года). “Burne” здесь – шотландизм со значением «река»; соответственно, “burne’s end” – это устье (в данном случае – место, где река Уай впадает в Темзу). Из-за неверной (как ныне доказано) этимологии предлагалась и другая его трактовка “Bone End”, то есть «осколок кости». Поблизости от этого места находятся деревни Corse End (есть подозрение, что “corse” – это старинная форма «course», имевшее также значение “cross”; соответственно, “cross-end” – это «перепутье», то есть «дом на перекрестье дорог») и Well End («окраина, где находился колодец»).

Как видим, еще на заре английской истории слово “end” прочно увязывается с усадебной топонимикой: оно обозначает границы владений, специальных канав, изгородей, окружающих господскую территорию; обрастает оно и прочими коннотациями («край земли», «частная собственность», связь с крестом и перекрестком, «дом на отшибе»). Еще тогда “end” – это и граница владений, и «край земли», и нечто маячащее, подобное маяку, освещающему путь кораблю в штормовом океане. Все они в дальнейшем будут осмыслены в контексте литературной усадьбы.

В XIX в., с расцветом английской романистики, слово “end” впервые прочно увязывается с усадебным миром. Тогда же оно, согласно Оксфордскому словарю, обретает новое значение: «Пространство на краю деревни или небольшого города, граница поместья или же собственность за его пределами, обычно предвараемая описательным именем» [OED, “end”: 2b].

Дом на отшибе, у края села, стоящий на юру или вынесенный за околицу издревле вызывал, как правило, негативные ассоциации. В народном сознании укоренился стереотип, что в таких домах гнездится «нечистая сила» (недаром именно в «дом на краю деревни» ссылают героиню, юную ведьму, сельчане из романа У. Мейна «Там, далеко, за холмами» (“Over the Hills and Far Away”, 1968)). Были в Англии и собственные, sui generis, коннотации этого локуса. Известно, что еще во времена Дж. Чосера окраины больших городов считались опасными местами, где промышляли бродяги и душегубы; ср. в «Кентерберийских рассказах» (“The Canterbury Tales”, 1400), в «Прологе к рассказу Слуги Каноника»: «В предместьях городских или в трущобах / Живем, как воры, как бродяги, оба» (пер. И. Кашкина). Селились в предместьях и дешевые проститутки, которые не могли промышлять своим ремеслом в городах; во времена Шекспира существовало даже грубое оскорбление “suburbanite” («завсегдатай

пригородов»), за которое можно было всерьез поплатиться: услышав такое, благородный человек незамедлительно обнажал шпагу.

Однако с конца XVIII в. в связи с урбанизацией, четким разграничением дома, домашнего очага, семьи с одной стороны и рабочего места с другой наблюдается стремление зажиточных горожан перебраться из города в пригород. Наличие жилья за пределами Лондона, которое могли позволить себе далеко не все, считалось престижным и статусным. Недаром в романе Дж. Остен «Гордость и предубеждение» (1813) о дядюшке героини, мистере Гардинере, сообщается, что он «живет в непосредственной близости от собственных складов», и тут же замечается, что знание об этом ввергло бы в ужас великосветских дам [Зиновьева: 712]. В XIX в. Лондон обрастает пригородами, где множатся день за днем уютные домики (villas), утопающие в тени душистых садов. Этот этап знаменует развитие локуса “Suburbia” (букв.: «Пригородье»), зеленого пояса вокруг английской столицы; зарождение его стало важным этапом в становлении английской буржуазии (в будущем такие же «пригороды» появятся вокруг большинства промышленных городов). Более бедные классы, в особенности все множасьи «белые воротнички», также стремились проникнуть в «пригородный мир», покинув «жернова треклятой лондонской мельницы»; мечта об «усадебке» становится заветной мечтой для небогатого британского горожанина. Этот мотив, фронтальный для «литературы клерков» (clerk literature), получает развитие в поэзии 1890-х годов – в трагикомической «Балладе о тридцати шиллингах» (“Thirty Bob a Week”, 1894) Дж. Дэвидсона, в лирических зарисовках Э. Рэдфорда «Картинка» (“Pen Sketch”) и «Наш пригород» (“Our Suburb”) из сборника «Смежные комнаты» (“Chambers Twain”, 1895). Отголоски его слышны и в юмористике Дж. Гроссмита («Дневник незначительного лица» (“Diary of a Nobody”), 1888–1889), в романах А. Мэкена «Осколок жизни» (“Fragment of Life”, 1904) и Э.М. Форстера «Говардз-Энд» (“Howard’s End”, 1910). В XX веке, и особенно в послевоенные годы, пору усадебного возрождения, “Suburbia” прочно связывается с представлением о «той самой» Англии, мифом о «веке золотом», развиваемом в поэзии Джона Бетчмана («Миддлсекс», “Middlesex”, 1954), в романах Филиппы Пирс («Том и полночный сад», “Tom’s Midnight Garden”, 1958) и т. д.

Проникновение топонима “end” в английскую усадебную литературу связывается с именем романистки Мэри Энн Эванс (1819–1880), более известной под псевдонимом Джордж Элиот. Романы этой писательницы, словно «глядевшие» в XX и XXI века, во многом повлияли на поэтику будущих усадебных

текстов, ностальгической литературы и модных ныне «семейных саг». Ментальная привязанность человека к родному дому, невозможность обособиться, оторваться от глубинных корней (и, как следствие, двоякое отношение к ностальгии) – один из фронтальных мотивов ее творчества [Mühlheim: 100–141].

Впервые топоним “end” возникает в дебютном романе Джордж Элиот «Адам Бид» (“Adam Bede”, 1859), где фигурирует деревенька Sloman’s End. Элиот не дает ее детального описания, однако даже из названия (букв.: «Приют Тихохода») явствует, что оно несет в себе коннотацию покоя и гостеприимства. В анонимном переводе, опубликованном печатней С.С. Мошкина (1899), и в переводе М. Шишмаревой (1902) ее название передано транслитерацией: Сломанс-Энд, что не позволяет считать оригинальный смысл.

Дальнейшее развитие элемент “end” получает в романе Джордж Элиот «Феликс Холт, радикал» (“Felix Holt, the Radical”, 1866). Одним из мест действия романа становится ферма мистера Гоффа Rabbit’s End («Кроличья опушка»). Она выводится писательницей как «дом – полная чаша», хотя и в ироничном ключе (недаром и название «Кроличий», имеющий неотвязную коннотацию плодovitости). В главе VIII рассказчик, рассуждая об этом имении, упоминает «целый воз мебели и кухонной утвари, ворох рецептов, жену, пятерых детей и грустную донельзя овчарку» [Eliot 1866: 124]. В единственном русском переводе романа, осуществленном в 1867 году («Радикал Феликс Гольт»), название фермы не отражено, а сам фрагмент, в котором она фигурирует, переведен далеко от оригинала.

Фигурируют в романе и другие места, отмеченные тем же топонимическим маркером. Совсем мимоходом, хотя и дважды, (гл. XXVIII, XXXIII) упомянута усадьба Pollard’s End (то есть «Тополиная опушка»), расположенная на скрещенье дорог; в романе ее внешний вид описан одним лишь метким образом: “shabby wideness”, то есть «неприглядная ширь» [Eliot 1866: 356]; в переводе 1867 года ее название передано транслитерацией. Фигурирует в романе (гл. XX) и еще одна ферма с говорящим названием Pod’s End (от *англ.* pod – «загон», «выпас для небольшого стада»). По определению одного из персонажей, законника Мэтью Джермина, это крохотный участок размером с «карманный носовой платок», который «недостойн и поношения» и который «ни за что на свете не разглядеть без увеличительного стекла» [Eliot 1866: 301].

Как видим, в ранних романах Дж. Элиот элемент “end” осуществляет вполне явную функцию; он указывает на пространственное положение усадьбы или деревни («дом на опушке», «дом подле выпаса», «дом под сенью тополей»). Несет он и конно-

тацию крестьянской прижимистости, неумеренной плодovitости, небогатства; на ту же руку играет и образ крестьянского гостеприимства (ср. историю Филемона и Бавкиды, бедных крестьян, приютивших в своем доме богов Гермеса и Зевса). Таким образом, перед нами – классическая крестьянская усадьба, небольшой хуторок, который в английской традиции обыкновено именовался farm (ферма). (О связи элемента “end” с фермой напишет веком позже Морис Уорик Бересфорд в книге «Забытые английские деревушки» (“The Lost Villages of England”, 1954) [Beresford: 209]). Однако в последующих романах Дж. Элиот к перечисленным категориям прибавятся новые смыслы: в частности, коннотация запустения и запущенности будет воспринята через призму категории «живописное» (“picturesque”) (подробнее о ней см.: [Велигорский]).

В романе «Миддлмарч: картины провинциальной жизни» (“Middlemarch”, 1871–1872) приводится пространное описание крестьянской усадьбы Free Man’s End. В раннем переводе А. Моригеровского («В тихом омуте – буря», 1873) название ее передано транслитерацией (Фриманс-Энд), что не позволяет читателю уяснить заключенный в этом имени смысл; в советском же переводе И. Гуровой и Е. Коротковой (1981) дом получает намеренно парадоксальное (и подразумеваемое Дж. Элиот) название – Тупик Вольного Человека. Вот как изображает эту усадьбу писательница (гл. 39): «<...> под умягчающим влиянием изящных искусств, которые придают живописность чужой нужде, посторонний наблюдатель мог от души восхититься этой крестьянской усадьбой, носившей название Тупик Вольного Человека. Темно-красную крышу старого дома украшали полукруглые чердачные окна, две дымовые трубы утопали в плюще, на большом крыльце были сложены вязанки хвороста, половину окон закрывали серые растрескавшиеся ставни, а под ними буйствовали кусты жасмина. Осыпающаяся кирпичная ограда, через которую перевешивались плети жимолости, ласкала глаз благородством мягких оттенков, а перед распахнутой дверью кухни лежал дряхлый козел, живой символ старинных суеверий» [Элиот 1981: 430].

Союз природы, человека и времени, участвующих в создании дома или паркового ансамбля, – важная сторона английского “picturesque”. Усиливают эффект и другие упомянутые автором черты «дивного запустения»: «мшистая кровля коровника», «обвисшие на серых петлях серые двери амбара», «батраки в заплатанных штанах», «тощие коровы», «свиньи и белые утки, вяло бродящие по заброшенному двору» [Элиот 1981: 430]; все это – характерные элементы описания классической английской “farm” [Велигорский, 122–123].

В начале XX в., в эпоху модернизма, топонимический элемент “end” прирастает новыми смыслами, крайне важными в контексте «усадебного мифа». Рассматриваемый в контексте локуса “Suburbia”, он начинает прочно ассоциироваться с образом «усадебной сакральной» и «усадебно-грёзы», мечты об идеальном доме, проникающей в литературу в этот период. Один из знаменитейших примеров такого дома встречаем в романе Э.М. Форстера «Говардз-Энд» (“Howard’s End”, 1910).

Известно, что прообразом этой литературной усадьбы послужила ферма Грачовник (Rook Nest) в Хертфордшире, где прошло детство писателя, с 1883 по 1893 гг. По замыслу автора, особняк Говардз-Энд (история которого – главная ось всего повествования) становится сокровенным наследием, которое умирающая Рут Уилкоккс передает своей новой знакомой и духовной преемнице Маргарет Шлегель. Многократно в романе Маргарет рассуждает об особняке как о конечной цели своего «странствия»; из ее же уст звучит и знаменитая фраза о том, что «дом – это не просто кирпичи и известка, это Святая Святых». Эта идея, крайне важная для усадебной литературы XX века, дала импульс развитию ностальгического образа усадьбы, прошедшего через все столетие, от «Дома с привидениями» (“The Haunted House”, 1921) и «Орландо» (1928) В. Вулф до «Возвращения в Брайдсхед» (“Brideshead Revisited”, 1944) И. Во и «Останков дня» (“The Remains of the Day”, 1989) К. Исигуро [Велигорский, 280–281, 302–307].

Говардз-Энд в романе Форстера – это сакральное место, особняк «на краю миров», хранимый призраками минувшего; это локус, для которого «характерно ощущение прошлого и настоящего как смежных темпоральных пространств» [Campbell: 19]. В таком месте время как будто остановилось – или по-прежнему движется, но в непривычном нам направлении. Это мифическое, или сакральное, время, противопоставленное времени линейному, – или дихотомия «хронос – кайрос» в терминологии М. Элиаде (ср. его труды «Миф о вечном возвращении» (1949), «Священное и мирское» (1957) и др.). Тот же мотив прослеживается в сказочной повести Кеннета Грэма (1859–1932) «Ветер в ивах» (“The Wind in the Willows”, 1908). Несмотря на ярко выраженный круговорот сезонов: весна (гл. 1, 6) – лето (гл. 2, 3, 7, 8) – осень (гл. 3, 9, 10) – зима (гл. 3–5, 11, 12), – ее герои явно живут в безвременье. Об этом, помимо прочего, говорит «столкновение» двух английских эпох – викторианской и эдвардианской, которое мы видим на примере Mole End – подземного дома Крота (Mole), одного из главных героев повести.

Mole End – это небольшой особняк или, скорее, даже «усадебка»; на последнее указывает целый ряд

факторов, в частности сравнение из эпизода в начале первой главы, в котором Крот отправляется на прогулку: «Туннель заменял ему дорожку, посыпанную гравием и ведущую к главным воротам усадьбы, которая есть у зверей, живущих значительно ближе к воздуху и солнышку, чем Крот» [Грэм 1988: 12]. Явно небогатый и скромный, это, тем не менее, крайне уютный дом, в котором есть все самое необходимое. В отличие от Говардз-Энд, у жилища Крота нет явного прототипа; скорее это образ идеального Дома, приюта и пристанища, который тебя всегда ждет.

Как и особняк из романа Форстера, Mole End – это «дом на краю времени». Он прочно укоренен в викторианской эпохе, времени юности самого Кеннета Грэма. На полочках здесь стоят бюсты Гарибальди и королевы Виктории; на лужайке перед домом лежит «травяной каток» (roller) – тяжелый металлический валик с ручкой, использовавшийся для «укатывания» крикетных площадок, популярной викторианской игры. Недалеко от дома плещет река, запруженная судами (от которых она расчистилась к началу 1900-х гг.) и по-прежнему перекрытая платными шлюзами (упраздненными в конце XIX века). И в то же время здесь явно видны характерные приметы XX столетия. По дороге, лежащей невдалеке от дома, мчатся гоночные автомобили (при этом лимит на скорость был снят лишь в 1901 г.), и оттуда же доносится бравурная песня лягушонка Тоуда (еще одного героя повести), где упомянуты король, а не королева (очевидно, Эдуард VII), а также генерал Китченер, пик славы которого пришелся на 1910-е гг. Mole End – своего рода «капсула» времени, где оно течет и «прямо», и обратно, как в переворачиваемых песочных часах.

Обратившись к переводам его названия, мы видим весьма широкий разброс. Небольшой домик преобразуется в поседение (в переводе И. Резника – «деревня Кроткое») или же в целую улицу (в переводе А.З. Колотова – «Кротовый проулок»). Наиболее традиционным оказывается перевод Кротовый тупик – этот вариант принят в переводах И.П. Токмаковой, В. Лунина и А. Елькова, традиция, восходящая к Дж. Элиот. Однако отметим очевидное: слово «тупик» имеет негативную коннотацию. Тупик – это всегда глухая стена, предел движения и развития, что противоречит характеристике дома Крота, даваемой К. Грэмом. При этом иронично, что Том Шиппи трактует “Bag End” («дно сумки») как буквальную кальку с французского “cul-de-sac”, что означает «тупик» [Shippey 2001: 5–11].

Схожий образ «идеального дома» встречаем в сказочной повести Дж.Р.Р. Толкина «Хоббит, или Туда и обратно» (“The Hobbit, or There and Back Again”, 1937), книги, во многом вдохновленной «Ветром в ивах» К. Грэма. Бэг-Энд (это название впервые по-

является в трилогии «Властелин колец» (“The Lord of the Rings”, 1937–1949), в «Хоббите» же дом безымянный) становится еще одной разновидностью «идеального приюта», который персонажу, тем не менее, предстоит покинуть. В первых главах дом Бильбо изображается как место предельно уютное, где все на своих местах (неспроста и герой носит фамилию “Baggins”, образованную от “bag” («сумка», «мешок»), этакий аналог гоголевской Коробочки). Переводчики, как правило, обыгрывают название дома, предлагая читателю целую россыпь причудливых имен: Торба-на-Круче (пер. А. Муравьева и А. Кистяковско-го), Бебень-на-Бугре (В. Волковский), Котомка-под-Холмом (М. Каменкович), Засумки (В. Грушецкий). Несмотря на живописность и немалое остроумие этих переводческих версий, ни одна из них не передает изначальный смысл, заложенный в название автором (который был прекрасно знаком и с романом Э.М. Форстера, и с повестью К. Грэма). Восприятие Бэг-Энда колеблется среди современных исследователей от образа идеального дома, отражения сути персонажа [Honegger] до мещанского «райка» или «идеальной холостяцкой берлоги» [Donnelly]. И хотя для всех персонажей, покидающих этот дом (и для Бильбо, и для его племянника Фродо), уготован нравственный рост, осмысление своей роли в мире, что ставит их перед необходимостью оставить идеальный (но идеальный ли на деле?) приют, тем не менее сам особняк оказывается вписан в сформировавшуюся традицию.

Как видим, топонимический элемент “end” несет в себе множество коннотаций, сформировавшихся на протяжении веков. Усадьба, в название которой он оказывается включен, выступает как последнее прибежище, как дом на краю мира – и даже на краю времени, – как пункт назначения, как сакральная цель. Рассмотренная в столь сложной диахронии, такая усадьба обретает многогранность, произведения, где она фигурирует, – новые трактовки и смыслы; и все это вкупе образует смысловой простор, обширное поле, на котором может плодотворно трудиться, пожиная плоды, исследователь английской усадьбы.

Примечания

¹ Речь идет как о действительных аббатствах, секуляризованных в годы Реформации и отошедших дворянским фамилиям, приближенным Генриха VIII, так и об усадьбах, не имеющих отношения к упраздненным монастырям и названным так «в русле традиции».

² В последнем случае названия могут быть сколь угодно изобретательными и необычными; ср., напр., Желтый Кром (Crome Yellow) из одноименного романа О. Хаксли (1922) или Черное Зеркало (Black Mirror) из творения М. Малика (2003) о проклятой дворянской семье.

³ Подробнее о «Старом английском Орозии» см.: [Discenza, 72–118; Walker].

Список литературы

Велигорский Г.А. «Усадебный текст» и национальный культурный код: русско-британские литературные связи XIX – начала XXI века / отв. ред. В.Г. Андреева. Москва: ИМЛИ РАН, 2022. 416 с.

Грэм К. Ветер в ивах: сказка / пер. с англ. И. Токаковой. Москва: Детская литература, 1988. 288 с.

Зиновьева А.Ю. Примечания к роману «Гордость и предубеждение» // Остен Дж. Гордость и предубеждение. Москва: Ладомир: Наука, 2023.

Элиот Дж. Миддлмарч / пер. с англ. И. Гуровой, Е. Коротковой. Москва: Художественная литература, 1981. 896 с. URL: <https://studyenglishwords.com/book/Миддлмарч/511?page=1#b10> (дата обращения: 29.08.2023).

Cartularium saxonicum: A Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History, ed. by W. de Gray Birch, 1887.

Campbell N. Children’s Neo-Romanticism: The Archaeological Imagination in British Post-War Children’s Fantasy: A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of PhD. L., National Centre for Research in Children’s Literature Department of English and Creative Writing University of Roehampton, 2017, 353 p.

Discenza N.G. Inhabited Spaces: Anglo-Saxon Contributions of Space. Toronto; Buffalo. L., University of Toronto Press, 2017, 280 p.

Donnelly J. Nazis in the Shire: Tolkien and Satire. Mythlore. Fall-Winter, 2018, vol. 37, No. 1 (133), pp. 81-102.

Eilert E. The Concise Oxford Dictionary of English Place-Names. Oxford: At the Clarendon Press, 1960, 608 p.

Eliot G. Felix Holt, the Radical. N. Y., Harper & Brothers, 1866, 529 p.

Grahame K. Pagan Papers. L., Elkin Matthews, John Lane; Chicago, Stone & Kimball, 1894, 196 p.

Honegger Th. From Bag End to Lórien: the Creation of a Literary World. News from the Shire and Beyond: Studies on Tolkien, ed. by P. Buchs and Th. Honegger. 2nd ed. Zurich; Berne, Walking Tree Publishers, 2004, pp. 59-81.

Morris M.W. The Lost Villages of England. L., Lutterworth Press, 1954, 445 p.

Mühlheim M. Fictions of Home: Narratives of Alienation and Belonging, 1850–2000. Tübingen, Narr Franke Attempto, 2018. (Schweizer anglistische Arbeiten (=Swiss Studies in English)).

Myres J.N.L. The English Settlements. Oxford, Oxford University Press, 1979, 252 p.

Shippey T. J.R.R. Tolkien: Author of the Century. N. Y., HarperCollins, 2001, 384 p.

Smith A.H. English Place-Name Elements. Cambridge, At the University Press, 1956, 305 p.

Tengstrand E. A Contribution to the Study of Genitive Composition in Old English Place-Names. Uppsala, Almqvist & Wiksell, 1940. (Ser.: Nomina Germanica, vol. 7), 421 p.

Walker V.E.H. The Old English Orosius: Writing an Anglo-Saxon History of the World. L., King's College, 2016, 165 p.

References

Campbell N. Children's Neo-Romanticism: The Archaeological Imagination in British Post-War Children's Fantasy: A Thesis Submitted in Partial Fulfilment of the Requirements for the Degree of PhD. L., National Centre for Research in Children's Literature Department of English and Creative Writing University of Roehampton, 2017, 353 p.

Cartularium saxonicum: A Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History, ed. by W. de Gray Birch, 1887.

Discenza N.G. Inhabited Spaces: Anglo-Saxon Contributions of Space. Toronto; Buffalo. L., University of Toronto Press, 2017, 280 p.

Donnelly J. Nazis in the Shire: Tolkien and Satire. *Mythlore*. Fall-Winter, 2018, vol. 37, No. 1 (133), pp. 81-102.

Eilert E. The Concise Oxford Dictionary of English Place-Names. Oxford: At the Clarendon Press, 1960, 608 p.

Eliot Dzh. *Middlmarch, per: s angl. I. Gurovoi i E. Korotkovo* [Middlemarch, trans. from English. I. Gurova and E. Korotkova]. Moscow, Khudozhestvennaia literature Publ., 1981, 896 p. (In Russ.)

Eliot G. Felix Holt, the Radical. N. Y., Harper & Brothers, 1866, 529 p.

Grahame K. Pagan Papers. L., Elkin Matthews, John Lane; Chicago, Stone & Kimball, 1894, 196 p.

Grem K. *Veter v ivakh: skazka* [Wind in the willows: a fairy tale], transl. from English I. Tokmakova. Moscow, Detskaia literature Publ., 1988, 288 p. (In Russ.)

Honegger Th. From Bag End to Lórien: the Creation of a Literary World. News from the Shire and Beyond: Studies on Tolkien, ed. by P. Buchs and Th. Honegger. 2nd ed. Zurich; Berne, Walking Tree Publishers, 2004, pp. 59-81.

Morris M.W. The Lost Villages of England. L., Lutterworth Press, 1954, 445 p.

Mühlheim M. Fictions of Home: Narratives of Alienation and Belonging, 1850–2000. Tübingen, Narr Franke Attempto, 2018. (Schweizer anglistische Arbeiten (=Swiss Studies in English)).

Myres J.N.L. The English Settlements. Oxford, Oxford University Press, 1979, 252 p.

Shippey T. J.R.R. Tolkien: Author of the Century. N. Y., HarperCollins, 2001, 384 p.

Smith A.H. English Place-Name Elements. Cambridge, At the University Press, 1956, 305 p.

Tengstrand E. A Contribution to the Study of Genitive Composition in Old English Place-Names. Uppsala, Almqvist & Wiksell, 1940. (Ser.: Nomina Germanica, vol. 7), 421 p.

Veligorskii G.A. “Usadebnyi tekst” i natsional’nyi kul’turnyi kod: russko-britanskii literaturnye svyazi XIX – nachala XXI veka [The Estate Text and the National Cultural Code: Russian-Britain Literary Relations of the 19th – early 21st Centuries], Andreeva V.G. (ed.). Moscow, IMLI RAN Publ., 2022, 416 p. (In Russ.)

Walker V.E.H. The Old English Orosius: Writing an Anglo-Saxon History of the World. L., King's College, 2016, 165 p.

Zinov'eva A.Iu. *Primechaniia k romanu “Gordost' i predubezhdenie”* [Notes to the novel “Pride and Prejudice”]. *Osten Dzh. Gordost' i predubezhdenie* [Austen J. Pride and Prejudice]. Moscow, Ladomir, Nauka Publ., 2023. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.07.2023; одобрена после рецензирования 26.08.2023; принята к публикации 30.08.2023.

The article was submitted 22.07.2023; approved after reviewing 26.08.2023; accepted for publication 30.08.2023.